

Annotation

- [Роберт Говард](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [***](#)
-

Роберт Говард
Лион Спрэг де Камп
Волки по ту сторону границы

Глава 1

Далекий тревожный рокот барабанов пробудил меня. Не двигаясь, я лежал в кустах, выбранных мной для ночлега прошлым вечером. Затаившись от постороннего глаза, я напрягал слух, соображая, откуда доносятся рокочущие удары — в этом густом лесу было нелегко определить направление по отдаленным звукам.

Лишь мерный барабанный бой нарушал лесную тишину. Колючие ветви кустарника, оплетенные вдобавок выющимися растениями, создавали надо мной непроницаемый темный свод. Из своего убежища я не мог видеть ни звезд, ни луны — вокруг простиралась сплошная тьма, черная и глухая, как ненависть врага. Но это вполне устраивало меня — если я почти ничего не вижу, то и сам остаюсь невидимым для чужих глаз.

Ритмичные барабанные удары начинали действовать мне на нервы; они продолжали звучать непрерывно, гулко и угрожающе: бух-бух-бух! — и снова: бух-бух-бух! Не приходилось сомневаться, что это глухой тревожный рокот предвещает нечто ужасное. Ведь только один инструмент на свете мог издавать эти низкие мерные звуки — боевой барабан пиктов, в который колотят размалеванные дикари в набедренных повязках, варвары, из-за которых дремучие леса по ту сторону границы были полны смертельной угрозы.

По ту сторону был сейчас и я. Один, без всякой надежды на помощь, укрывшись под колючими ветвями густого кустарника, я находился в чужом враждебном лесу, кишевшем полугольными воинами; испокон веков они чувствовали себя хозяевами этих непроходимых джунглей.

Так! Наконец-то я разобрался, откуда доносятся ритмичные удары! Барабан бил на западе, и я решил, что расстояние до него было не таким уж большим.

Я внимательно проверил свое боевое снаряжение: потуже затянул пояс, на котором висело оружие, попробовал, легко ли выходит из расшитых стеклянным бисером ножен короткий кинжал; затем, убедившись, что все в порядке, я, извиваясь ужом и стараясь двигаться совершенно бесшумно, начал пробираться между колючками и острыми шипами кустарника в сторону несмолкающего барабанного боя.

Я был уверен, что этот ритмичный глухой стук означает что-то определенное, но вряд ли он возвещал о моем присутствии — меня обнаружить пикты еще не могли. И тем не менее зловещее «бух-бух-бух»

несло угрозу и предвестие беды всем незваным пришельцам, осмелившимся вторгнуться на территорию дикарей, где на редких лесных полянах стояли их немногочисленные хижины. В рокочущих глухих ударах явственно слышались рев всепожирающего огня и шипенье градом сыпавшихся пылающих пиктских стрел, вопли, исторгаемые нечеловеческими пытками, и свист окровавленных боевых топоров, раскалывающих без разбора головы и воинов, и женщин, и детей. Это было поистине страшно!

Выбравшись из-под колючих ветвей, я в полной темноте осторожно пробирался между стволами гигантских деревьев. Время от времени, когда моего лица или напряженно вытянутых рук касалась какая-нибудь тонкая ветка, мне чудилось, что это хвост одной из тех огромных змей, смертельно опасных для человека, что обитают в этом лесу и, притаившись в древесных кронах, дожидаются добычи; эти твари молниеносно падали вниз и обвивались вокруг тела жертвы.

Но создания, которых высматривал я, были куда опаснее самых смертоносных гадов. Я шел по верному пути: барабанный бой приближался, и теперь мне приходилось красться все осторожнее — как по острому лезвию ножа. Наконец в просвете между деревьями мелькнул красноватый отблеск, и, сквозь грохот размежеванных низких ударов, я смог различить приглушенное бормотание собравшихся у костра дикарей.

Там, на поляне, окруженней вековыми деревьями, происходила какая-то варварская церемония — значит, скорее всего, вокруг расставлены многочисленные дозорные. Я знал, как пиктские стражи умели сливаться с темнотой окружающей чащи — их было невозможно заметить до того страшного мига, когда клинок или стрела вонзались в сердце незваного пришельца. При мысли, что я могу наткнуться на притаившегося часового, меня пронзила холодная дрожь. Однако я был уверен и в том, что, если не допущу неосторожности, ни один пикт не сможет разглядеть меня в царящей вокруг непроницаемой тьме: даже если б небо не было затянуто низкими облаками, свет луны и звезд не смог бы проникнуть сквозь густой шатер переплетенных ветвей.

Я спрятался за стволом гигантской лиственницы и всмотрелся в происходящее на поляне действие. Вокруг костра сидело около полусотни пиктов — мне были видны лишь неясные очертания их фигур. Их обнаженные — не считая набедренных повязок — тела были покрыты боевой раскраской. Мне удалось рассмотреть торчавшие в густых черных волосах соколиные перья, и по этому признаку я догадался, что дикиари принадлежат к клану Сокола.

В центре поляны темнел грубо отесанный камень — примитивный пиктский алтарь. При виде его у меня прошел мороз по коже: однажды я уже лицезрел такой же камень, жирный от копоти и орошенный кровью. Но тогда его не окружали люди, и мне еще не приходилось быть свидетелем тайного варварского ритуала, совершаемого вокруг подобных алтарей. Но я слышал о нем от тех немногочисленных счастливцев, коим удалось бежать из пиктского плена, и когда я вспомнил их жуткие сбивчивые рассказы, меня снова пронзила неудержимая дрожь.

Между костром и алтарем извивался в причудливом танце шаман, в ритуальном одеянии из перьев, которые колыхались в такт его движениям. Лицо шамана прикрывала зловеще ухмыляющаяся маска. У самого костра, в центре людского полукруга, сидел дикарь с зажатым между колен огромным барабаном. Он размеренно бил в него кулаком, извлекая из натянутой кожи тот мерный рокот, который был причиной моего пробуждения.

Между сидевшими вокруг костра воинами и дергающимся в танце шаманом стояла еще одна странная фигура — этот человек, конечно же, не принадлежал ни к одному из племен пиков. Он был значительно выше любого из них, ростом примерно с меня, и кожа его, насколько я мог рассмотреть в неверном свете костра, казалась светлой. Но одет он был так же, как окружающие его дикари, в набедренную повязку и мокасины. Тело размалевано, в волосах — соколиное перо. Наверное, он был лигурийцем — одним из тех светлокожих дикарей, что немногочисленными племенами обитают в пиктских лесах и то воюют с ними, то заключают недолгий мир.

Кожа лигурийцев даже светлее, чем у аквилонцев, да и самих пиков вообще-то нельзя назвать чернокожими — просто они смуглы, черноглазы и черноволосы. Однако народы, обитающие к востоку от Пустошей Пиков, не считают белыми ни тех, ни других — там принято думать, что истинно белым может называться только тот человек, в чьих жилах течет хайборийская кровь.

Пока я, затаив дыхание, наблюдал за происходящим у костра, дикари подтащили к огню еще одного человека — обнаженного окровавленного пикта, в растрепанные волосы которого было воткнуто сломанное перо, по которому я определил, что несчастный принадлежит к племени Ворона, находившегося в смертельной вражде с племенем Сокола. Связав пленника по рукам и ногам, воина бросили его на алтарь. Я видел, как мышцы Ворона напряглись в тщетном усилии разорвать кожаные путы и опали; ремни были крепки.

Шаман продолжал свой дикий перепляс, одновременно производя

руками затейливые жесты над алтарем с лежащим на нем обреченным человеком. Барабанщик еще яростнее заколотил в барабан, впав в настоящий транс. И тут с ветки стоявшего на краю поляны дерева в освещенный круг упала огромная змея — из тех, возможная встреча с которыми приводила меня еще недавно в такой ужас.

Извиваясь, она ползла прямо к алтарю; на ее чешуе играли отблески костра, холодно посверкивали бусинки глаз, длинный раздвоенный язык быстро сновал в узкой змеиной пасти. На сидевших вокруг костра воинов она, казалось, не обращала никакого внимания, они же оставались совершенно спокойны, что немало удивило меня, поскольку уж если пикты и боялись чего-то на этом свете, так только змей.

Добравшись до алтаря, гадина вползла на него, и замерла, приподняв узкую голову. Движения пиктского колдуна замедлились — и тут, в такт с ним, затанцевала змея. Шаман издал жуткий сдавленный вой, напоминающий шум ветра, проносящегося сквозь заросли бамбука, а змея, поднимаясь все выше и выше над алтарем, внезапно начала обвиваться вокруг брошенного на камень пленника — причем размеры ее были столь велики, что сверкающие кольца полностью скрыли тело человека. На виду оставалась только его слабо подергивающаяся голова с переполненными смертельным ужасом глазами.

Вой шамана сорвался на истерический визг, он сделал резкое движение рукой и бросил что-то в костер.

Огонь стремительно взметнулся вверх, из пламени взвилось и заклубилось над жертвеником причудливое облако, скрывшее на мгновение происходившую на алтаре отвратительную сцену. Потом очертания каменной глыбы словно дрогнули, поплыли, и я уже не мог разобрать в этих непостижимых изменениях, что же было змее, а что — человеком.

Из груди собравшихся возле костра пиктов вырвался единый, полный благоговейного ужаса вздох, прозвучавший как легкое дуновение ветра в ветвях деревьев.

Дым постепенно начал рассеиваться. Змея теперь неподвижно лежала на алтаре рядом с пленником — почему-то я посчитал их обоих мертвymi. Шаман с усилием схватил гадину и сбросил ее на землю, потом стащил с алтаря и тело человека. Тот безвольно упал рядом со змеей, и колдун перерезал кожаные ремни, после чего снова задергался в танце, плетя руками в воздухе причудливые узоры.

И тут пленник начал проявлять признаки жизни. Он попытался приподняться с земли — и не мог. Голова его судорожно поддерживалась и

безвольно перекатывалась из стороны в сторону, между полураскрытыми губами то появлялся, то исчезал язык. Потом — я непроизвольно вздрогнул от ужаса

— он пополз в сторону, извиваясь всем телом, словно превратился в змею.

Гадина же, лежащая рядом с ним, содрогалась в резких конвульсиях. Она тоже попыталась приподняться с земли, но рухнула обратно. Снова и снова она безо всякого успеха порывалась встать на хвост, напоминая обезноженного человека, который, не осознавая этого, отчаянно желает подняться.

Тишину ночного леса разорвал дикий вой пиктов. Меня колотило от ужаса, к горлу неудержимо подкатывала тошнота. Теперь-то я до конца понял смысл кошмарного первобытного обряда, о котором раньше мне приходилось только слышать — шаман племени Сокола поместил душу врага в тело змеи, а душу отвратительной гадины — в его тело! Такая месть была достойна всех демонов преисподней! А сидящие вокруг костра пикты испытывали истинное наслаждение от этого омерзительного действия!

Обе жертвы ужасного колдовства — человек и змей — беспомощно корчились на земле.

Затем в свете костра коротко блеснул зажатый в руке шамана клинок, и по земле покатились две головы. И — я не мог поверить своим глазам! — рептилия дернулась и затихла, тело же человека перевернулось на бок и начало судорожно извиваться, как будто это на самом деле была обезглавленная змея.

Глаза мои видели многое, но сейчас на меня накатила волна слабости; я чуть не потерял сознание. Не удивительно: какой нормальный человек может вынести столь устрашающее зрелище кошмарного первобытного колдовства?!

Другое дело пикты: ужасная сцена привела их в такой дикий восторг, что они показались мне в этот момент не людьми, а мерзкими порождениями мрака.

Шаман продолжал свой танец. Высоко подпрыгнув, он остановился перед полукругом воинов, сорвал с лица маску, запрокинул назад голову и завыл, словно голодный волк. Красноватый отблеск огня упал на лицо колдуна — и в этот момент я его узнал! Весь перенесенный только что кошмарный ужас, все вызывающее тошноту отвращение переродилось в жгучую ярость — и, одновременно с этим, как туман испарился мой здравый смысл, все разумные мысли о собственной безопасности, о моей миссии и долге перед своей страной. Потому что шаманом был старый

Тейанога — давний и заклятый враг, предавший мучительной смерти множество наших людей. А кроме того, он сжег живьем на костре моего лучшего друга — Джота, сына Гальтера.

Всепоглощающая ненависть заставила действовать меня едва ли не инстинктивно, без участия подсознания. Я вскинул лук и, наложив стрелу на тетиву, выстрелил, почти не целясь — все произошло почти мгновенно. Свет костра был обманчив, но на таком расстоянии промахнуться я не мог — у нас на Западной Границе жизнь во многом зависит от того, насколько хорошо ты умеешь натягивать лук.

Тонко свистнула в ночном воздухе стрела, старый Тейанога взмыл, как гиена, и, зашатавшись, рухнул навзничь. Из груди шамана торчало оперенное древко стрелы. Моеи стрелы! Пикты завопили от неожиданности, сидящий у костра светлокожий высокий человек стремительным движением вскочил на ноги, впервые повернувшись ко мне лицом. И тут — о Митра! — я понял, что то был хайборией!

На какое-то мгновение я застыл, парализованный шоком, и это едва не стоило мне жизни. Все пиктские воины, как дикие кошки, ринулись ко мне, чтобы найти и покарать врага, выпустившего смертоносную стрелу. Они уже достигли края поляны, когда я пришел в себя и стремглав бросился в темноту, огибая стволы деревьев и уклоняясь от хлещущих по лицу ветвей — причем полагаться приходилось лишь на инстинкт и милость Светлого Митры, поскольку разглядеть в таком мраке я не мог ничего. Единственное, что давало мне надежду на спасение, так то, что выскочившие со света пикты не могли видеть во тьме оставляемые мной следы и вынуждены были преследовать меня столь же вслепую, как я пытался от них убежать. Но я знал, что охотиться за мной они будут подобно стае волков — до тех пор, пока не настигнут добычу.

Я мчался по ночному лесу, сердце колотилось где-то под горлом от страха и возбуждения, да еще давали о себе знать впечатления от той кошмарной сцены, невольным свидетелем которой я был только что. И этот хайбориец... Его присутствие во время ритуала потрясло меня самым невероятным образом — ведь человек белой расы не может наблюдать хтайными обрядами пиков и уйти живым, разве что ему посчастливилось остаться незамеченным. Но тот, кого я видел, был вооружен — я заметил на его поясе кинжал и топор! Это совершенно не укладывалось у меня в голове и вызывало самые мрачные предчувствия.

При всем моем желании производить как можно меньше шума, я, разумеется, время от времени все же натыкался на деревья; в непроглядной тьме и непролазной чаще избежать этого было невозможно, и мои

преследователи ориентировались на эти звуки, поскольку видеть могли не больше моего. Я несколько опередил дикарей — сзади уже не слышались их дикие воинственные вопли, однако я знал, что пиктские воины с горящими, как у волков, глазами, сейчас растянулись широкой цепью и тщательно прочесывают лесные заросли. На мой след они пока еще не напали — если бы дикари почуяли, что жертва находится в пределах их досягаемости, из их глоток немедленно бы вырвался обычный боевой клич.

И, тем не менее, я чуть было не попался. Воин, заметивший меня, явно не был у костра на поляне — слишком намного он опередил своих собратьев. Скорей всего, он был послан в дозор и рыскал по лесу, чтобы не допустить неожиданного появления врагов с севера. Дикарь мгновенно бросился за мной; видеть его я не мог, но явственно слышал приближающиеся стремительные шаги босых ног. Еще немного, и ему удалось настичь меня. Я выхватил кинжал, наугад взмахнул топором, он ударился о нож пикта... И тут мне неслыханно повезло — ринувшись вперед, мой соперник напоролся на выставленный клинок. Предсмертный вопль дикаря разорвал ночную тишину, и ответом на него был яростный рев его сородичей совсем неподалеку от места нашей быстротечной схватки. Теперь пикты завывали, как волки, нагоняющие свою добычу — они наконец-то догадались, где она.

Мне пришлось совершенно забыть об осторожности. Спасти меня сейчас могли только быстрые ноги, а разобью я голову о ближайший ствол или нет, зависело лишь от милости Митры. Однако мне повезло: лес немного поредел, толстые деревья почти не попадались. Исчез и подлесок; сквозь ветви просачивался слабый лунный свет — видимо, ветер разогнал облака.

Митра, Податель Жизни, не оставил меня — охотничий рев моих преследователей, только что такой кровожадный и торжествующий, начал потихоньку отдаляться. Пикты отставали; ни один из них не мог соперничать с белым в беге на большое расстояние. Неужели я спасен?! — промелькнуло в голове. Конечно, оставался риск, что я наткнусь на еще одного разведчика или дозорного дикаря, но ни один размалеванный воин так и не прыгнул на меня из темноты.

И вот, наконец, проринаясь сквозь густые колючие кусты опушки, я увидел впереди яркие огни — то была хорошо укрепленная цитадель Кваниара, южный рубеж обороны Шохирь.

Глава 2

Прежде чем продолжит рассказ о последующих кровавых событиях, я поведаю о себе и о том, почему той ночью я находился один в лесу пиктов, по ту сторону границы.

Мое имя Голт, сын Хагара, и я родился в аквилонской провинции Конаджохара. Два года назад пикты пересекли Черную реку и, напав на крепость Тускелан, охранявшую южный рубеж, вырезали там всех до единого, после чего начали охоту за поселенцами в долине Громовой реки. После этого Конаджохара снова превратилась в глушь, где обитали дикие люди, дикие звери и царили столь же дикие обычаи. Люди, ранее ее населявшие, вынуждены были бежать к западной границе — в Шохир, Конавагу и Орисконию, или же еще дальше, на юг — к крепости Тандар, форпосту на реке Боевого Скаакуна. Позже к ним присоединились те, кого перестала устраивать перенаселенность и условия жизни в их землях, и со временем здесь образовалась новая провинция — Тандар. Здесь ничто не напоминало размеренное и неторопливое существование во владениях короля и его баронов, что раскинулись на благодатных и плодородных Восточных Землях Аквилонии. Эти новые дикие места осваивали простые люди, они обходились без помощи нобилей и не терпели их вмешательства. И податей мы тоже не платили никому. Жители провинции сами выбирали Земельный совет, строили все новые укрепленные поселки и сами решали, когда объявить войну, а когда заключить мир. Угроза же вражеского нашествия была почти постоянной, поскольку прочного мира между нами и соседними пиктскими племенами Пантеры, Речного Крокодила и Змеи никогда не было.

Несмотря на тяжелые условия, наша маленькая провинция развивалась и процветала, и нас не очень-то интересовало, какие события происходят в плодородных Восточных Землях. Только случайно мы узнали, что в Аквилонии вспыхнула междоусобная война, что один из наемников поднял мятеж, желая свергнуть короля и захватить трон древней династии; искры этого пожара зажгли огонь и на границе, и теперь у нас сосед тоже выступал против соседа, брат — против брата, и сын — против отца. Аквилонские рыцари в блестящих доспехах сражались и погибали на равнинах королевства, а мне пришлось в одиночку пробираться через лесную глушь в Шохир с известием, способным определить судьбу всего западного рубежа. И вот я наконец-то достиг своей цели!

Кваниара была небольшой крепостью — всего-навсего окруженной невысокой стеной деревянной казармой на берегу Кинжальной реки. В утреннем небе плескалось пурпурное знамя провинции Шохира, и я с удивлением заметил, что рядом с ним нет королевского стяга с изображением золотой змеи. Что бы это могло означать? Вообще-то, очень многое или вовсе ничего

— нам на границе всегда было не до соблюдения этикета столь дорогого праздному люду с Восточных земель.

Пересечь вброд Кинжальную было совсем нетрудно — в самом глубоком месте вода едва достигала пояса. Когда я вошел в поток, с противоположного берега меня окликнул дозорный в кожаной одежде лесного стражи. Я ответил, что иду из Тандара.

Воин нескованно удивился.

— Клянусь Нергалом, ты, видно, сошел с ума! Какие демоны понесли тебя через лес? Или дело, приведшее тебя в Шохир, столь неотложно?

Тандар находится в стороне от других провинций, и между нами и этой боссонийской землей лежат обширные густые леса. Помимо пути через лес существует и другая, значительно более безопасная дорога, но она идет в обход через несколько провинций и куда более длинна и утомительна.

Потом дозорный поинтересовался, что нового у нас в Тандаре. Я ответил, что и сам не знаю, потому что мне долгое время пришлось провести в разведке в лесах, где обитает племя Змеи. Это не было истиной, но я не имел точных сведений, на чьей стороне выступает в этой войне Шохира, и до поры до времени решил держать язык за зубами. В свою очередь я спросил стража, смогу ли увидеть в крепости Кваниара Хакона, сына Строма, и узнал, что тот, кого я ищу, отсутствует — отправился в город Тенитея, расположенный далеко на восток отсюда.

И тут дозорный разрешил мои сомнения.

— Надеюсь, Тандар так же, как и мы, держит сторону Конанакиммерийца?

— спросил он. — Видишь, в крепости почти не осталось бойцов, и теперь приходится охранять границу лишь с горсткой лесных стражей. Что бы я ни отдал, только бы очутиться сейчас в нашем воинстве! Оно стоит под Тенитеей, у ручья Огаха, и скорее ожидается крупное сражение с войском Брокаса из Торха и его презренными приспешниками.

Я удивленно вытаращил глаза. Ведь барон из Торха был повелителем Конаваги, а никак не Шохирь, которой управлял граф Тасперас из Кормона.

— А где же Тасперас? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Наш владыка сражается за Конана! — Ответ лесного стража на этот раз был резким, и он посмотрел на меня подозрительным взглядом, как будто ему только что пришло в голову, что я могу оказаться шпионом.

Но мне хотелось выяснить еще один мучавший меня вопрос.

— Скажи, приятель, может ли в Шохире найтись хоть один человек, настолько связанный с пиктами, что принимает участие в их тайных церемониях? Да еще размалеванный, как они сами, и...

Я не успел договорить, увидев, что лицо лесного стража исказилось от ярости.

— Будь ты проклят! — едва владея собой, выкрикнул он. — Ты проделал этот путь лишь затем, чтобы нанести нам такое оскорбление?

Вообще-то он был прав: на западной границе нельзя было сильнее оскорбить человека, чем назвав его предателем. С моей стороны было не очень разумно задавать подобный вопрос, но так или иначе, мне стало ясно, что страж ничего не ведает о том светлокожем хайборийце, которого я видел у дикарского костра. Поэтому я поспешил заверить дозорного, что он неверно меня понял.

Успокоить его оказалось, однако, не так-то легко.

— Чего уж тут не понять, — буркнул он все еще дрожащий от гнева голосом. — Если бы не твоя темная кожа и южный акцент, я принял бы тебя за шпиона из Конаваги, и тебе пришлось бы держать ответ, приятель! Но даже если ты и не шпион, никто не давал тебе права так оскорблять людей Шохирь. если бы я не стоял сейчас на посту, я сумел бы доказать тебе в достойном поединке, что в Шохире нет ни предателей, ни трусов.

— Я не ищу ссоры, — ответил я. — Но если тебя так уж неймется, то еще некоторое время пробуду в Шохире, и ты, если пожелаешь, сможешь меня найти. Меня зовут Голт, сын Хагара.

— Не сомневайся, мы еще встретимся! — яростно выдохнул дозорный. — Запомни: я — Отхо, сын Корма! Меня знает каждый в Шохире!

С этими словами страж презрительно отвернулся и зашагал в сторону, продолжая свой обход. Одна его рука лежала на рукояти меча, другая крепко сжимала рукоятку боевого топора, словно он недвусмысленно давал мне понять, что прекрасно владеет обоими видами оружия. Я также продолжил свой путь, предусмотрительно огибая крепость, ибо мне не хотелось больше встречаться ни с дозорными, ни с разведчиками: никому неизвестного человека, в одиночку пробирающегося в город, действительно могли принять за шпиона. Конечно, в мирное время никому

и в голову бы не пришло задерживать хайборийца, пересекшего границу, но теперь повсюду царит междоусобная вражда, и вполне возможно, что владетель Конаваги вторгся на земли своих соседей.

Перед фортом простиравлось открытое пространство, ограниченное лесом, который стоял высокой зеленой стеной. Я придерживался опушки, и по пути в город мне удалось избежать нежелательных встреч, хотя я и пересек не одну тропинку, ведущую к нему. Наконец я увидел перед собой первые крыши домов Шохирь.

Этот пограничный город оказался на редкость красив; бревенчатые дома были выстроены добротно и со вкусом, встречались среди них и каменные, что у нас в Тандаре было большой редкостью. Однако меня удивило то, что вокруг Шохирь не было ни защитного рва, ни стены. В Тандаре мы строим дома, руководствуясь не столько соображениями удобства, сколько безопасности — все наши жилища были надежно защищены, и каждое из них является небольшой цитаделью.

С правой стороны от города была выстроена еще одна крепость, уже более привычная для моих глаз — окруженная рвом и защитной стеной. На высокой платформе стояла поворотная баллиста. Эта цитадель была заметно больше Кваниара, но, видно, людей не хватало и здесь: над стеной я увидел всего лишь нескольких солдатских голов, причем шлемы были только на двоих-троих. На флагштоке беспокойно трепетало на полуденном ветру знамя с соколом — гербом Шохирь.

Несмотря на слова Отхо, сына Корма, у меня вновь возникли сомнения: встал ли Шохира на сторону Конана? Ведь рядом с соколом не было золотого льва на черном фоне — знамени того отряда, которым в Аквилонии командовал Конан.

Слева, на краю леса, окруженным фруктовым садом, стоял богатый каменный дом. Похоже, то было жилище нобиля Валериана — я слышал, что он считался самым знатным землевладельцем Шохирь, сильным и могущественным человеком, имевшим значительное влияние в городе. Но мне почему-то показалось, что в доме сейчас никто не живет.

Странное впечатление произвел на меня и сам город — вероятно потому, что на его улицах почти не было видно мужчин. Я опять вспомнил слова дозорного о нехватке воинов. Зато женщин и детей было вокруг полным-полно. Когда я поднимался по вымощенной камнем дороге, меня провожало множество настороженных и любопытных глаз, однако заговорить со мной никто не пытался, а на мои вопросы отвечали сухо и коротко.

Почувствовал нестерпимую жажду, я завернул в попавшуюся по пути

маленькую таверну. Народу там было немного — двое старииков и несколько калек, ни одного взрослого здорового мужчины. Как только я вошел, тихий разговор мгновенно смолк, и все глаза выжидательно обратились в мою сторону.

Я осведомился, где я могу найти Хакона, сына Строма. После некоторой паузы хозяин таверны сказал, что сегодня на рассвете Хакон направился в Тенитею, где размещены войска, но скоро должен вернуться. Помимо желания утолить голод и жажду, я чувствовал смертельную усталость — давали о себе знатьочные злоключения. Передо мной поставили тарелки с едой и кувшин пива, и, пока я ел, продолжал ощущать на себе настороженные вопросительные взгляды. Потом я упал на медвежью шкуру, любезно предоставленную мне хозяином таверны, и мгновенно уснул.

Когда незадолго до заката солнца вернулся Хакон, сын Строма, я все еще спал крепким сном. Этот воин был крупным и мощным человеком, длинноногим и длинноволосым, с широкими плечами. На нем была такая же, как и на мне, обычная одежда охотника — кожаные куртка и штаны, украшенные бахромой, и мягкие мокасины. Хакон появился в таверне в сопровождении шести лесных стражей, которые, усевшись за стол и потягивая из больших кружек пиво, внимательно наблюдали за мной.

Когда я назвал Хакону свое имя и сказал, что у меня есть для него важное сообщение, он пригласил меня устроиться рядом с ним за маленьким столиком в углу и выжидательно посмотрел на меня.

— Ваши люди представляют, что творится в Тандаре? — спросил я его первым делом.

— До нас доходят только слухи, — ответил Хакон.

— То, что я хочу сообщить, передает вам Брант, сын Драго, из Земельного Совета Тандара и Совета Нобилей. Сейчас ты поймешь, что я действительно тот, за кого себя выдаю, — с этими словами я обмакнул палец в кружку с пивом, быстро нарисовал на столе знак и тут же его стер. Хакон удовлетворенно кивнул, его глаза загорелись неподдельным интересом.

— Вот это сообщение, — сказал я и, после небольшой паузы, продолжил:

— Наша провинция решила выступить на стороне Конана, а наше войско готово сражаться с его врагами.

Хакон облегченно улыбнулся и радостно пожал мне руку.

— Я надеялся на это! — воскликнул он. — Помощь Тандара будет нам сейчас очень кстати.

— Мы не могли поступить иначе, — отозвался я. — Многие в Тандаре помнят такого знаменитого следопыта и разведчика, каким был Конан — даже я, хотя в те времена был еще ребенком. Его посланцы прибыли в Тандар с сообщением, что Пуантен повержен и Конан теперь претендует на трон Аквилонии. Люди эти не вербовали добровольцев, а только просили, чтобы наша провинция не выступала против него. Ответ же был единодушным: «Мы не забыли Конаджохары!» После этого против нас выступил барон Ателиус, но нам удалось подстроить ему засаду в Малой Чаще и разбить его войско. Теперь мы должны опасаться только нападения диких племен.

— Если бы то же самое можно было сказать о Шохире! — с горечью ответил Хакон. — Барон Тасперас заявил, что присоединяется к армии мятежников Конана, и мы поддержали его решение. Наш владыка прекрасно знает, что здесь, на западе, каждый человек на счету — нам и так с трудом удается отстаивать границу. — Он отхлебнул из кружки. — Но Тасперас все же отозвал свой отряд из крепости, и мы пополнили наши ряды лесными стражами. После этого у нас возникли серьезные разногласия с землевладельцами короля Нумедидеса. Некоторые из них бежали со своими отрядами в Конавагу, а кое-кто из оставшихся обещал не выступать ни на чьей стороне, как, скажем, владетельный Валериан из Шохирсы. Так вот, бежавшие королевские прихвостни угрожают вернуться и перерезать нам глотки. Как раз сейчас в сторону Шохирсы направляются войска лорда Брокаса — и до нас уже доходят известия об их жестокости к простым поселянам, которые поддерживают Конана.

Слова Хакона не были для меня новостью. Конавага — самая крупная и богатая провинция в западной части страны, там много могущественных и влиятельных землевладельцев, состоящих в родстве со знатью королевства — не то что в Тандаре. Сражаться с их войсками будет очень нелегко.

— Брокас не столько держит сторону Нумедидеса, — продолжал Хакон, — сколько хочет под шумок подчинить своей власти всю западную часть страны. Старый король, как всем известно, давно уже не в себе, вот Брокас и надеется, наверное, править нами как его наместник. В его армии сейчас — оставшиеся верными присяге Аквилонские солдаты, боссонские лучники, дружины королевских приспешников из Конаваги и предателей из Шохирсы. Все это воинство остановилось под Койягой, в десяти поприщах от реки Огаха. Солдаты Брокаса буквально опустошили весь восток страны, и в Тенитее полно бежавшего от их зверств люда. Брокас намного превосходит нас силой, но мы не сдадимся без боя! Уже приняты все возможные меры: укреплен берег Огахи, которую ему придется

форсировать, прежде чем выступить против нас, и блокировать все дороги, чтобы не пропустить его кавалерию — словом, мы готовы к сражению.

— А мы готовы заключить с вами договор, — сказал я. — Наша провинция пошлет в ваши ряды полторы сотни лесных стражей — ибо мы в Тандаре все на стороне Конана-киммерийца, и междоусобицы у нас нет. В стычках же с пиктами мы сможем обойтись без этих людей — вам они нужнее.

— Командир крепостного гарнизона будет немало обрадован этим сообщением! — с энтузиазмом воскликнул Хакон.

— Как?! — вырвалось у меня. — А разве гарнизоном командуешь не ты? Ведь именно так считал Брант, сын Драго!

— Нет, старший над Кваниаром мой брат Дирк. если не возражаешь, мы выпьем еще по кружке пива, а потом отправимся в крепость, дабы брат мог сам выслушать тебя. Я как раз направлялся туда со своими людьми.

Из короткого разговора с Хаконом я понял, что он, несмотря на свойственную ему отвагу и храбрость, на самом деле не очень подходил для роли командующего крепостью — было видно, что он привык действовать без долгих раздумий. Однако этот воин сразу понравился мне — человек он был порядочный и преданный делу.

— Ты сказал, что для охраны границы у вас осталось совсем немного людей, — заметил я. — А если нападут пикты?

— Между нами заключен мир, — ответил Хакон. — К счастью, вот уже несколько месяцев на рубеже все спокойно... Ну, разве что пара-другая мелких стычек в месяц.

— А владетельный Валериан? Его поместье показалось мне покинутым.

— Он некоторое время назад отоспал всех своих воинов и сейчас живет в доме один, не считая нескольких слуг. Где его люди, никому не известно. Он обещал нам держать нейтралитет, и пока не был замечен в нарушении слова. Хотя, откровенно говоря, я не очень-то доверяю ему. Валериан — один из тех немногих хайборийцев, которые пользуются уважением у пиктских племен. Представляешь, в какой костер мы бы попали, если б ему пришло в голову натравить на нас пиктов? С одной стороны — лесные дикари, с другой — армия Брокаса...

Тут Хакон поднял взгляд и едва не поперхнулся от удивления. К стойке подошел высокий мужчина в богатой одежде нобиля — в обтягивающих узких штанах, высоких сапогах и расшитой алоей накидке.

— Это как раз и есть владетельный Валериан, — прошептал он, толкнув меня в бок.

Я присмотрелся к вошедшему повнимательнее — и, вздрогнув от неожиданности, вскочил на ноги.

— Валериан?! Но я видел этого человека прошлой ночью по ту сторону границы... Он присутствовал при чудовищном пиктском обряде Превращения Змеи!

Валериан резко повернулся ко мне. Был он бледен, как смерть, а глаза пылали, словно у разъяренного зверя.

Хакон тоже вскочил с места.

— О чём ты говоришь?! Это невозможно! Владетельный Валериан — один из знатнейших наших людей, и он дал слово чести...

— Может быть, и так, — запальчиво крикнул я, — но кто сказал, что он его держит! Ошибиться невозможно — я был очень близко от жертвенной поляны и хорошо запомнил это лицо! Повторяю: это был он — в набедренной повязке и размалеванный, как дикий пикт!

— Ты лжешь, гнусный мерзавец! — взревел Нобиль, отбрасывая в сторону свою накидку и хватаясь за рукоять меча.

Но прежде чем он успел обнажить его, я прыгнул и сбил его с ног. Мы покатились по полу, но в этот момент чьи-то крепкие руки схватили нас и оторвали друг от друга. Нобиль стоял напротив меня, бледный и задыхающийся; в кулаке он сжал мою перевязь, которую ему удалось сорвать во время схватки.

— Это грязная клевета! — прохрипел он. — Неужели вы поверите этому неизвестно откуда взявшемуся проходимцу?

— Я говорю правду, — сказал я, пытаясь успокоить сбившееся дыхание. — Этой ночью я прятался под лиственницей у поляны, на которой стоит алтарь пиков, и наблюдал, как шаман Соколов переместил душу воина племени Ворона в тело огромной змеи. Ужасающее зрелище! Я убил колдуна — моя стрела попала ему в сердце. И я видел там именно тебя — ты, хайбориец, стоял на этой поляне, словно один из дикарей!

— Если это так... — начал было Хакон.

Мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Это легко доказать! — воскликнул я. — Посмотрите на его грудь! На кожу!

Я подскочил к нему и рванул ворот его рубахи. Все верно: на груди Валериана остались хорошо заметные следы — изображения белого черепа, того самого знака, который лесные пикты рисовали на своих тела, выходя на тропу войны с хайборийцами. Нобиль, конечно, пытался смыть рисунок, но краски пиков глубоко въедаются в кожу. Сомнений больше ни у кого не оставалось.

— Разоружить его! — отдал короткий приказ Хакон с побагровевшим от ярости лицом.

— И отдай мою перевязь! — потребовал я, заметив, что Валериан все еще сжимает ее в кулаке. Но он лишь бросил на меня злобный взгляд и засунул тонкую, похожую на ленту полоску кожи в карман.

— Ты получишь ее назад, — прохрипел он, задыхаясь от ярости, — но она затянется вокруг твоей шеи, грязный пес!

Я не совсем понял его слова, но решив не спорить больше по этому не столь уж значительному поводу. Важнее было другое — что теперь делать с предателем. Хакон, казалось, пребывал в растерянности.

— Мне кажется, его нужно немедленно взять под стражу и отвести в форт, — сказал я. — Он предал вас, и сейчас можно ожидать самого худшего. Пикты племени Сокола были в боевой раскраске, а череп на его груди указывает, что и он собирается принять участие в этой войне.

— Великий Митра! — побелевшими губами выдохнул Хакон. — невероятно! Хайбориец, выступающий с пиктскими демонами против своих!

Валериан молчал. Его держали за руки двое крепких стражей, он был по-прежнему бледен, как полотно, тонкие губы кривились в злобной усмешке, глаза горели яростным желтым огнем, в котором мне почудилось сумасшествие.

Хакона беспокоило, как жители Шохирь отнесутся к тому, что самого знатного ее нобиля ведут в крепость под стражей. В то же время он понимал, разумеется, что оставлять Валериана на свободе нельзя.

— Люди захотят знать, в чем мы его обвиняем, — поделился он с нами своими сомнениями. — И когда станет известно, что он предал нас и снюхался с пиктами, может начаться паника. Я думаю, лучше избежать этого и запереть его здесь, в местной тюрьме, а потом прислать сюда Дирка, чтобы он сам перевел его в цитадель.

Я не был согласен с этим решением, ибо вряд ли в Шохире могло сыскаться достаточно надежное уилище, но командовал, в конце концов, здесь не я.

По указанию Хакона предателя скрытно вывели через заднюю дверь таверны. К тому времени уже стемнело, и мы, не привлекая внимания, благополучно достигли тюрьмы.

Как я и предполагал, ею оказалась обыкновенная бревенчатая хижина на самой окраине городка. Она была разделена на четыре камеры, причем лишь в одной из них сидел какой-то пьяница, страшно буйнивший и оравший непотребные песни. Однако он тут же утих, увидев, кто стал его

товарищем по несчастью. Когда Хакон запер за Валерианом дверь, тот по-прежнему молчал, лишь глаза продолжали гореть безумным огнем.

Я удивился, что тюрьму охраняет всего один человек, но Хакон посчитал, что этого вполне достаточно, поскольку выбраться наружу валериан не сумеет, а в городе нет никого, кто пожелал бы оказаться ему помошь. Не скажу, чтобы меня убедили его доводы, но, в конце концов, это не было моим делом, поэтому я не стал продолжать спора, и мы с Хаконом направились в крепость, где я и встретился с Дирком, сыном Строма. Он был не только старшим над Кваниарой, но и заместителем Джена, сына Маркоса. Джен, которого лорд Тасперас назначил своим наместником, командовал сейчас военными силами, расположеннымными под Тенитеей.

К моему облегчению Дирк весьма серьезно отнесся к рассказу об этом происшествии и решил, как только станет возможно, сам побывать в тюрьме и допросить Валериана, хотя и не рассчитывал узнать от него что-либо существенное — нобиль, подобно всем знатным, был невероятно высокомерен. Предложение Тандры предоставить в его распоряжение полторы сотни человек весьма обрадовало Дирка. Он спросил, нет ли у меня желания остаться еще на некоторое время в Шохире — в этом случае он был готов послать в Тандру гонца, который передаст Бранту, сыну Драго, его благодарность и признательность. Я тотчас согласился, поскольку прекрасно понимал, что события, происходящие здесь, могут принять серьезный оборот, и был не прочь присутствовать при этом.

После аудиенции у Дирка мы с Хаконом вернулись в ту же таверну, где собирались переночевать, чтобы ранним утром отправится в Тенитею.

Разведчики сообщили в Шохиру, что армия Брокаса уже близко, но Хакон, который только что вернулся из тенитейского лагеря, знал, что попыток выступить против них нобиль не предпринимал. Мне подумалось, что, возможно, Брокас, которому, разумеется, известно о предательстве Валериана, ждет, когда пикты подтянутся к границе, чтобы ударить на Шохире одновременно с двух сторон. Я поделился своими мыслями с Хаконом.

Но, как ни странно, несмотря на все факты, тот почему-то по-прежнему считал, что присутствие Валериана на жертвенной поляне не имеет большое значения — владетель, как известно, знался с пиктами и мог быть в лесу по какому-то делу, а на тайной церемонии присутствовал случайно. Я только покачал головой. Непростительное легкомыслie! Столь опытный, много лет проживший на границе человек должен был понимать, что пикты никогда не допустили бы чужого к своим обрядам. Только того, кто был принят в племя!

Глава 3

В ту ночь я спал плохо, меня мучили кошмары. Внезапно, словно от толчка, я проснулся и резко сел на своей растерзанной постели. Окно в комнате было распахнуто настежь, чтобы впустить внутрь хотя чуточку ночной прохлады. Оглядевшись, я увидел на фоне темно-синего звездного неба расплывчатый силуэт настолько огромных размеров, что он закрывал собой почти весь оконный проем. Я стремительно рванулся к своему боевому топору, но неизвестный оказался проворнее. Прежде, чем я успел встать, он длинным прыжком покрыл разделявшее нас расстояние, затем мою шею обхватили и со страшной силой сжали грубые пальцы. В темноте я не мог разглядеть ничего, кроме пылающих прямо передо мной багровых глаз на продолговатом черепе. В ноздри мне ударили резкий звериный запах.

Я схватил за запястье огромную лапу — она была волосатой, как у обезьяны, все перевитая буграми железных мышц. И в этот момент другой рукой мне удалось нащупать топор — я поднял его и, уворачиваясь от смертельного захвата великана, одним ударом раскроил ему череп.

Захват на моей шее ослабел, и тело нападавшего безжизненно скатилось на пол. С трудом переведя дыхание, я вскочил на ноги и, найдя огниво, кремень и трут, зажег свечу. Передо мной лежал нечеловек.

Фигура монстра была похожей на человеческую, но значительно более крупной, мощной и полностью заросшей волосами. Когти были как у хищного зверя, длинные и острые, а череп своим скошенным подбородком и низким лбом напоминал обезьяний. Это был чакан — одно из чудовищ, нечто среднее между обезьяной и человеком, обитающих в пиктских лесах.

В дверь настойчиво застучали, и я услышал встревоженный голос Хакона, спрашивающий, что случилось. Я отпер дверь, и мой новый товарищ с боевым топором в руке ворвался в комнату. При виде лежавшего на полу монстра он присвистнул от изумления.

— Это же чакан! — воскликнул он взволнованно. — Я никогда не видел их в наших краях, только далеко на западе. Эти твари невероятно опасны! А что это у него в лапе?

Я взглянул, и по коже у меня пробежал мороз — в намертво сжатых когтях чудовища была моя узкая, похожая на ленту оружейная перевязь. Видимо, чакан собирался использовать ее как удавку. В моей памяти тотчас всплыли слова Валериана. Судя по всему, вспомнил о них и Хакон.

— Я слышал, что шаманы пиков умеют укрощать этих чудовищ и

потом, как собак, натравливать на своих врагов, — задумчиво произнес он. — Но как это удалось сделать Валериану?

— Откуда мне знать? — пробормотал я. — Мы даже не может быть уверены, имеет ли он к этому отношение. Хотя кто еще мог дать чакану мою перевязь? Так что, по-моему, сейчас самое время проверить, как обстоят дела в тюрьме.

Хакон разбудил своих людей, и мы не мешкая направились к окраине города. Перед хижиной, что служила тюрьмой, нашим глазам открылась страшная картина — человек, которого оставили охранять Валериана, лежал с перерезанным горлом перед открытой дверью камеры сбежавшего нобиля.

Из соседней камеры на нас глядели безумные глаза сидящего там пьяницы

— впрочем, было видно, что он уже успел прозреть.

— Ушел, — проговорил он, запинаясь, — он просто взял и ушел! Вот как все было: посреди ночи меня разбудили чьи-то голоса, я посмотрел в окошко и увидел, что рядом с охранником стоит какая-то женщина. Дозорный велел ей убираться, на что она дерзко рассмеялась и взглянула ему прямо в лицо. О, Митра! Мне показалось, что воин моментально сошел с ума! Уставившись перед собой, он застыл на месте, а женщина вытащила у него из-за пояса кинжал и одним движением перерезала глотку! А потом нагнулась, достала ключи и отперла дверь камеры. Валериан вышел оттуда, торжествующе улыбаясь, поцеловал женщин, после чего они принялись о чем-то шептаться. Только теперь, в тенях за спиной этой ведьмы, я различил какую-то огромную безобразную фигуру. К свету фонаря над дверью великан не приближался, и я так и не понял, кто он.

Издав судорожный всхлип, пьяница продолжал:

— А потом я услышал, как ведьма сказала, что лучше избавиться и от этого бурдюка с вином — она говорила про меня. Я чуть сам не умер со страха, но Валериан, видно, торопился, и возразил, что делать этого не стоит — я все равно, мол, в стельку пьян и дрыхну без задних ног. Так что они ушли, но я еще успел разобрать, как Валериан сказал, что он должен поскорее послать кое-куда своего слугу, а потом она все вместе отправятся к хижине у Рысьей реки, где дожидаются его люди. Лорд добавил, что туда же придет и шаман Тейанога, после чего они направятся к границе, встретят пиктов, вернутся сюда — и вот тут-то они повеселятся!

Лицо Хакона побелело.

— Ты знаешь, кто была эта женщина? — спросил я.

— Наложница Валериана, само собой! Ее отец был пиктом из

племени Соколов, а мать — лигурийка. Пикты называют ее Колдуньей из Скандаги. О ней болтали у нас много невероятных вещей, но я никогда ее раньше не видел и не очень-то верил этим рассказням. Похоже, зря!

— А Тейанога? — продолжал я. — Клянусь копытами Нергала, я точно видел, как он свалился замертво, а моя стрела торчала у него прямо из сердца! Значит, они все же собираются напасть на Шохиру! как мы можем им помешать?

— Мы должны успеть к Рысьей реке и перебить их там, — решительно сказал Хакон. — если пикты перейдут границу, мы позавидуем тем, кто попал уже на Серые Равнины! Но нам придется рассчитывать только на свои силы — ни из города, ни из крепости нельзя забирать людей. Сколько бы их ни было

— там, на берегу — нам придется справляться самим... И хорошо хоть, — добавил он, — что мерзавцы не догадываются, что нам известны их планы!

Мы выпустили из камеры полностью протрезвевшего пьяницу и отправили его в крепость сообщить о случившемся, после чего немедленно двинулись в путь. На бархатном ночном небе мерцали звезды, вокруг было тихо и спокойно, но на западе, как затаившийся зверь, поднимался темный и мрачный лес пиктов, смертельно опасный для каждого осмелившегося войти в него чужака.

Углубившись в заросли, мы шли след в след друг за другом, стараясь не производить ни малейшего шума и держа наготове боевые топоры. Впереди нашего маленького отряда шел Хакон.

По вьющейся между приземистыми дубами тропе мы достигли неглубокой травянистой низины, цели нашего пути. На речном берегу стояла та самая хижина, и сквозь неплотно прикрытые ставни одного из окон пробивался слабый свет.

Наш командир сделал знак своим людям оставаться на месте, а мы с ним подкрались поближе к хижине. Разумеется, Валериан не забыл выставить дозорного, но он, на наше счастье, был настолько невнимателен, что снять его не представляло большого труда. Затем мы подошли к окну и заглянули внутрь в щель между ставнями.

В хижине находились владетельный Валериан, глаза которого по-прежнему горели мрачным безумным огнем, и девушка, поразившая меня своей дикой красотой. На ней не было никакой одежды, кроме узкой набедренной повязки и украшенных бисером мягких мокасин, а также многочисленных ожерелий. Ее черные густые волосы перехватывал обруч тонкой работы, блестевший чистым золотом.

Кроме них в хижине было еще человек десять предателей из Шохины — три лесных стражи в своей обычной кожаной одежде и разбойниччьего вида мужчины в суконных штанах и простых крестьянских куртках, а также шестеро гандерландских наемников — высоких светловолосых солдат, одетых в тяжелые кольчуги и железные шлемы. Вооружены они были мечами и кинжалами. Гандерландцев — храбрых, опытных воинов — часто нанимали для охраны своих поместий землевладельцы вдоль всей западной границы.

Люди эти, судя по всему, пребывали в отличном настроении, возбужденно смеялись и вели громкие разговоры. Валериан рассказывал о своем удачном побеге, предатели на чем свет стоит поносили своих бывших друзей; лесные стражи, правда, больше помалкивали, гандерландцы тоже лишь изредка вставляли пару слов. Выглядели они безразличными и невозмутимыми, но я прекрасно знал, что за их видимым спокойствием скрывается абсолютная безжалостность. Красавица, которую остальные называли Кварада, весело хохотала и прижималась к своему господину.

Хакон прямо затрясся от ярости, когда услышал хвастливые слова Валериана:

— Освободится было до смешного легко. А этому тандарскому выскочке я подготовил приятный сюрприз — не думаю, чтобы он и дальше путался у нас под ногами. Когда у меня будут пиктский воины, я приведу их на границу, и мы нападем с запада, а Брокас ударит от Койяги. Вряд ли эти олухи ожидают чего-либо подобного — город свалится к нам в руки, словно перезрелый плод. Мы наконец получим то, что заслужили!

Вдруг мы услышали легкие шаги и, чтобы остаться незамеченными, бросились на землю. Дверь в хижину распахнулась, и когда мы через некоторое время снова приникли к щели в ставнях, то увидели, что к предателям присоединились семеро пиков, украшенных перьями и покрытыми боевой раскраской. Среди них был и старый Тейанога с тугу перетянутой голой грудью.

Значит, мне не почудилось, и моя стрела действительно пронзила навылет сердце старого шамана... Но человек не может выжить после такого ранения! Не оборотень ли сейчас перед нами? Я почему-то вдруг начал верить в сверхъестественные способности пиктских колдунов.

По-прежнему незамеченные, мы услышали, как Тейанога сказал на ломаном аквилонском, обращаясь к Валериану:

— Ты хотеть, чтоб Соколы, пантеры и Черепахи вышли к границе. Но если мы сделать так, на нас напасть племя Волка. И, пока мы сражаться с

Шохирой, они опустошить наши земли. Поэтому прежде, чем выступать в поход, нашим племенам надо заключить мир с Волками.

— Не имею ничего против, — сказал нобиль. — Когда вы сможете это сделать?

— Сегодня ночью вожди всех племен собираясь около болота Призраков. Там они говорить с Болотным колдуном — и все вожди сделать так, как сказать колдун.

— Ну что ж, — пробормотал Валериан, — скоро наступит полночь. Если отправится прямо сейчас, мы дойдем до болота Призраков часа за три. Возможно, мы сможем убедить Болотного колдуна в необходимости этого шага.

— Быстро позови наших, — прошептал мне на ухо Хакон. — скажи, чтобы они незаметно окружили хижину и подожгли ее!

Нас было почти в три раза меньше, но я, разъяренный происходившим у нас на глазах гнусным заговором, так же, как и Хакон, был готов на самые безрассудные поступки, только бы остановить предателей.

Прокравшись к нашим людям, я привел их к хижине. По дороге мы собрали несколько охапок сухих веток и разложили их под окнами, у которых разместились попарно. Одни держали наготове натянутые луки с наложенными на тетиву стрелами, другие — поднятые боевые топоры, чтобы разбить ставни. Я приготовился поджечь хворост. Мешкать было нельзя: изнутри раздался голос Валериана:

— Немедленно собирайтесь, мы выходим прямо сейчас! — после чего послышались шаги и лязг металла: воины разбирали свое оружие.

Хакона тряслось от возбуждения, он не мог дождаться начала атаки.

Я высек огонь, и пламя тотчас охватило сухие ветки. Пока оно не успело взметнуться слишком высоко и не перекинулось на стены хижины, наши люди разом обрушили свои топоры на ставни. В это же мгновение Хакон мощным ударом выбил дверь. Ставни разлетелись, и внутрь хижины полетели наши стрелы, поражая противников.

В первый момент люди Валериана от неожиданности даже не могли оказать сопротивления, но, опомнившись, бросились к выходу, где их уже ждали мы с Хаконом. Несколько врагов были убиты на месте, с остальными мы вступили в рукопашную схватку.

На меня сразу же напал коренастый гандерландец. Из-за жары он снял шлем, и его вспотевшая лысина блестела в неверных сполохах огня как огромное яйцо, однако тело было защищено длинной кольчугой. Я успел перехватить его руку с зажатым в ней коротким мечом. Впрочем, он тоже не стал мешкать, и мой тяжелый боевой топор оказался выведенным из

игры тем же простым, но действенным способом. Мы топтались по кругу словно два борца, шатаясь и пыхтя, стараясь освободить свое оружие или хотя бы вывести противника из равновесия. Удача улыбнулась мне первому — противник повалился на землю, я упал на него, но стоило чуть ослабить хватку, как мой топор оказался у него в руке.

Я всеми силами старался сковать его движения, в то время как моя свободная рука шарила по земле в поисках чего-либо, хоть отдаленно напоминающего оружие. Внезапно я нашупал вросший в землю булыжник. Схватив его, я что было сил ударил по блестящей лысине. Тело подо мной слегка обмякло, и я, закрепляя победу, двинул еще раз, но уже схватив камень двумя руками. Гандерландец дернулся несколько раз и затих.

Я вскочил и огляделся в поисках новых противников, но все уже было кончено. Вокруг валялись трупы — и, к сожалению, среди них я увидел и нескольких наших людей. Оставшиеся в живых враги, петляя, бежали к лесу, пытаясь избежать наших стрел, хотя в такой темноте было чрезвычайно сложно поразить цель.

Наши люди постепенно собирались вокруг командира.

Внезапно один из них крикнул:

— Хижина! Валериан еще там!

Я кинулся к двери, находившейся буквально в пяти шагах, но было поздно — владетель и его женщина уже появились в проеме. Только наши руки потянулись к оружию, как колдуны, усмехнувшись, бросила что-то нам навстречу. Раздался взрыв, и всех ослепило нестерпимой яркости пламя. Нас окружило едкое зловоние, и мы невольно отступили, задыхаясь. Когда мы вновь обрели способность что-то видеть, оказалось, что парочка успела скрыться.

Мы лишили жизни около десятка врагов, большинство еще в начале атаки

— стрелами. Еще несколько человек не слишком отличались от мертвых. Наши потери оказались скромнее: двое убитых и двое раненых. Раненного в ногу пришлось оставить на поле боя, в расчете на то, что люди из города перенесут его в крепость. Второму раненому перевязали руку, после чего Хакон сказал:

— Беги назад и предупреди Дирка, чтобы он перевел всех людей в цитадель и прислал кого-нибудь за Карлусом. Пусть поторопится, ибо пикты уже рядом! Мы постараемся задержать их у болота Призраков. Если не вернемся...

После того как лесной страж отправился в крепость, мы проверили свое снаряжение. Вместо топора я взял меч гандерландца и лук убитого

стража — взамен того, который я потерял днем раньше. Было бы более разумным дождаться подкрепления, однако я прекрасно понимал, что нам нельзя терять ни мгновения.

Дорога была хорошо известна Хакону и одному из стражей, неоднократно ходившим к болоту на разведку. Яркие звезды давали достаточно света, чтобы не сбиться с пути. Вскоре мы оказались под густым пологом леса и растворились в сумерках.

Глава 4

Мы осторожно пробирались вперед, соревнуясь с пиктами в искусстве красться по ночам. Нас вела тропа проложенная от хижины прямо на юг.

Поход обещал быть сложным, ибо страна пиктов — не самое безопасное место даже в отсутствии рядом дикарей. Многочисленные хищные твари яро защищали свои владения от чужаков. Кроме волков, пантер, змей — а ведь и в них мало приятного! — здесь водились и другие чудища, которые в иных местах уже вымерли совсем. Как, например, вам понравилась бы встреча с саблезубым тигром или мастодонтом?

Сам я никогда не видел этих чудовищ, но мой брат, будучи в Тарантии, побывал в зверинце короля, где содержалась пара мастодонтов, и по его рассказам я примерно представлял себе, что можно ожидать от этих гигантов.

Еще более опасны болотные демоны или лесные bestии — называют их по-разному. Они в бесчисленном количестве обитали в том самом месте, куда мы направлялись. Днем их не видно, и никто не может сказать, где они таятся, а по ночам... От одного только их воя кровь стынет в жилах, но это еще не все: стоит подойти к ним поближе, как горло неосторожного моментально разрывают острые когти. Не удивительно, что Болотный колдун живет именно там — это самое впечатляющее доказательство его сверхъестественной силы.

Постепенно продвигаясь вперед, мы вышли к ручью Тулиана, названного по имени одного из воинов, геройски погибшего в сражении с отрядом пиктов. Ручей служил границей между Шохирой и страной пиктов — во всяком случае, так было обозначено в соглашении между ними. Достаточно трудно и тем, и другим соблюдать границу, если на вражеской стороне будет замечено что-либо полезное или соблазнительное.

После того, как мы, прыгая с камня на камень, пересекли ручей, Хакон остановился и начал шепотом советоваться с лесным стражем, которому была лучше известна дальнейшая дорога. Посовещавшись, они принялись внимательно осматривать кусты и подлесок, пока не нашли развилку тропы, после которой мы двинулись налево — едва видимая дорожка, петляя между мрачными стволами дубов, вела, судя по всему, прямо к болоту.

Хакон предупредил, чтобы мы удвоили осторожность, но в то же время особо не мешкали — надо было миновать лагерь пиктов до рассвета.

Было очень трудно соблюдать одновременно оба этих условия, и тем не менее наш маленький отряд быстро и бесшумно продвигался к цели.

Минуло изрядное время. Лес немного поредел, и я озабоченно посматривал на восток, но, к счастью, еще не было заметно никаких признаков рассвета; звезды по-прежнему усеивали небесный шатер. Внезапно лесной страж остановился и прислушался. Мы замерли. Заглушая стрекот ночных цикад, послышались звуки, отдаленно похожие на кашель. Но Хакон успокоил нас — поблизости охотилась пантера, а эти хищники в одиночку никогда не нападают на группу вооруженных людей. Мы двинулись дальше и постепенно перешли на бег — с каждым мгновением увеличивалась вероятность встречи с пиктами.

Через некоторое время командир снова остановил отряд; теперь вдали послышался слабый шум, который не могло издавать никакое животное. Мы с тревогой взглядывались в сторону, откуда раздавалось тихое бормотание — в более спокойной обстановке я мог бы принять его за шелест дождя. Мое обострившееся в темноте зрение позволило различить слабый свет и еле заметные красноватые отблески на стволах деревьев.

Мы осторожно двинулись в ту сторону и, прислушиваясь к шелестящим звукам, углубились в лес, перебегая между деревьями и переползая небольшие поляны. Вскоре в неясном бормотании мне удалось различить гортанную речь пиков. Хакон, подняв руку, призвал нас к бдительности. Буквально через несколько шагов мы увидели, что посреди хорошо протоптанной тропы сидят три дикаря. Это были дозорные, но к своим обязанностям они относились достаточно небрежно — коротали время за незатейливой игрой, подбрасывая вверх кусочек дерева и наблюдая, какой стороной он упадет на землю.

Я подполз к Хакону.

— Нападем на них?

— Нельзя, — прошептал он, — их вопли наведут на нас весь лагерь. Подожди, может быть, услышим что-нибудь интересное.

Мы замерли, напряженно вслушиваясь. Я, хотя и разобрал несколько знакомых слов, смог понять смысл только отдельных фраз, но меня сразу же насторожило имя Валериана, хотя и произнесенное на пиктский манер. Хакон, удовлетворенно кивнул, — видимо, он узнал все, что хотел, — пополз в сторону. Мы последовали за ним, но не успели мы преодолеть нескольких локтей и подняться, как раздался ужасающий рев. Я вздрогнул — впечатление было такое, словно какой-то великан трубит в огромный рог, скликая своих сородичей. Звук повторялся снова и снова, но — слава Митре! — постепенно отдалялся. Однако я успел заметить между стволами

деревьев одного из тех монстров, о которых вспоминал так недавно. Это был мастодонт! Будучи высотой в два человеческих роста, длинными изогнутыми бивнями он едва не царапал землю и, если я не ошибся (всетаки света звезд было недостаточно), его бока были покрыты густой короткой шерстью.

Эта встреча повлекла за собой крайне неприятные последствия. От неожиданности Хакон непроизвольно сделал шаг назад и толкнул стоящего рядом лесного стражи — причем так неудачно, что тот, как подкошенный, рухнул на землю. Я успел отпрыгнуть, но все равно мы наделали столько шума, что пикты не могли нас не заметить. Тут же послышался свист стрелы Хакона, ушедшей в темноту над моим плечом.

Резко обернувшись, я увидел пиктов, которые, на ходу выхватывая оружие, мчались в нашу сторону. Правда, их было всего двое — один уже лежал со стрелой Хакона в горле. Бежавший впереди дикарь метнул копье и с топором в руке ринулся на меня. Не успел я вытащить стрелу, как он оказался так близко, что мне ничего не оставалось, как схватить лук обеими руками и обрушить его на голову врага. Оглушенный пикт пошатнулся, и я успел, отбросив в сторону лук, обнажить клинок. Когда мой противник взмахнул топором, мне удалось перехватить его руку и вонзить меч под ребра дикаря. Третий удар, почти отделивший голову пикта от туловища, поверг его на землю.

Я осмотрелся по сторонам — схватка завершилась, все трое дикарей были мертвы, но и мы понесли серьезные потери. Рядом со мной стоял только Хакон, поразивший своего противника ударом топора. Один лесной страж лежал с разбитой головой, а другой, словно бабочка, был приколот к стволу дерева копьем, пронзившим ему живот. Но нам еще повезло — пикты напали на нас, не издав своего обычного боевого клича. В их лагере наверняка слышали рев мастодонта, и весь последующий шум могли отнести на его счет. Во всяком случае, больше никто из дикарей не появился.

— Теперь нас двое, — сказал Хакон. — Мы должны сделать все, чтобы отправить к Нергалу проклятого нобиля и Колдуна, даже если придется умереть самим! Дозорные болтали, что Валериан отправился к Колдуну с небольшим отрядом, большая часть его людей осталась в лагере. Мы обойдем лагерь, и ты засядешь у тропы — на случай, если Валериан вернется, — а я пойду к болоту и постараюсь прикончить их там.

Мне не понравился план Хакона; эта трясина была гибким местом, где кроме дикарей можно было столкнуться с куда более опасными тварями, например, с теми же болотными демонами.

— Хакон, — возразил я, — ты опытный человек и потому твоя жизнь куда более ценна, чем моя. Будет лучше, если ты останешься в засаде, а на болото пойду я.

Однако переубедить командира мне так и не удалось — в конце концов он напомнил мне, кто здесь отдает приказы. Внезапно мы услышали слабый стон — пораженный в живот лесной страж был еще жив. Преодолевая чудовищную боль, он прохрипел:

— Не дайте мне попасть в лапы дикарей... они отомстят за своих...

— Но нам тебя не донести, мы...

Умирающий прервал Хакона:

— Я не прошу об этом... лучше легкая смерть... сразу...

Командир молча вытащил кинжал. Я отвернулся. Нашего товарища, попади он к пиктам, несомненно ждали жестокие пытки, но все равно я не мог спокойно наблюдать за подобным милосердием.

Глава 5

Мы пробирались лесом вокруг стана пиков. Было видно, что скорого набега на Шохиру не предвидится — одни воины неторопливо возводили навесы, другие бездельничали, лежа на охапках свеженарубленных ветвей. Посреди поляны горел небольшой костер.

В лагере находились только воины, ни женщин, ни детей там не было. Все четыре племени расположились отдельными стойбищами — Соколы, Пантеры, Черепахи и, самое многочисленное, племя Волка. Несколько раз мы чуть было не наткнулись на бродивших по лесу дикарей. В конце концов мы опять оказались на тропе, ведущей к болоту Призраков.

Лагерь пиков был разбит достаточно далеко от болота — видимо, дикии сами опасались обитающих там тварей. Прошло довольно много времени, прежде чем мы обнаружили подходящее место для засады — густые заросли папоротника, посреди которых торчало несколько разлапистых елей. Я взял на изготовку лук и улегся на землю, а Хакон начал осторожно спускаться вниз. В той стороне, куда он ушел, в просветах между деревьями виднелось небольшое озеро.

Мы были в пути уже достаточно долго, и мной снова овладело беспокойство, что нам может помешать наступающий рассвет. Но небеса все еще были темными. Вокруг царила тишина, и, как я ни напрягал слух, не мог различить никаких звуков, кроме тонкого гудения комаров. Усталость брала свое — все-таки за плечами был напряженный переход и две жестокие схватки. Мое внимание ослабло, и глаза стали закрываться сами собой. Это длилось мгновение, не больше — во всяком случае, именно так мне показалось. Вдруг я почувствовал, что на меня навалилось что-то тяжелое, и тут же услышал оглушающий дикий вой.

Спросонья я сопротивлялся вяло, да и силы были слишком неравны — мои руки и ноги крепко держали четверо дикарей, а пятый прижимал меня к земле. В одно мгновение я был крепко связан. Взглянув на небо, я ужаснулся — оно уже светлело. Великие боги, сколько же я спал?!

Пики тем временем срубили молодое деревце, подвесили меня к нему, пропустив ствол между руками и ногами, и потащили в направлении болота. Болтаясь над землей, я только и мог, что в бессильной яности наблюдать, как идущие за нами что-то оживленно обсуждают со злорадными усмешками. Я поразился: пики, которые считали себя великими воинами, полагали смех недостойным себя, разве что кроме

исключительных случаев — например, пыток пленных.

Я попытался взять себя в руки. Конечно, захвачен я был самым глупым образом, и впереди меня не ждало ничего хорошего. Но я был еще жив — значит, следовало подумать о побеге. Когда мы достигли болота, уже достаточно рассвело, чтобы можно было увидеть поверхность воды с клубящимся над ней туманом, который скрывал выступавшие камни, мертвые, словно обглоданные, деревья и заросли болотной травы. Меня тащили по травянистой косе, узкому языку суши, вдававшемуся далеко в болото. Потом дикари зашли в воду, которая, видимо, скрывала дорогу из камней, и, с трудом сохраняя равновесие, наконец добрались до логова Колдуна. Оно находилось на островке, между деревьями которого виднелись небольшие хижины, расположенные, как это принято у пиктов, полукругом. Нас вышло встречать не так уж много народа: среди них были Болотный колдун, Валериан с несколькими своими людьми, Кварада и старый Тейанога. Дикари, если судить по тому, как они были размалеваны, являлись вождями и воинами племен Черепахи, Сокола, Пантеры и Волка.

Увидев меня, нобиль злорадно оскалил зубы.

— Какая приятная встреча! — воскликнул он с издевательской усмешкой.

— Это ведь жалкий мятежник из Тандара! Кто бы мог подумать, что ты окажешься настолько упорным! Я был бы на вершине успеха, если б мне удалось столь же преуспеть в величии и добродетели, сколь тебе — в бунтах и богомерзких поступках! Ну, что ж, тебя, как и твоего дружка-предателя, за ваши гнусные деяния ждет достойная награда!

Он сделал знак рукой, и меня, сняв с шеста, бросили на землю. Напрягая затекшие мышцы, я с трудом перевернулся. Увиденное не обрадовало меня: в центре площадки, окруженной хижинами, стоял столб, к которому был крепко привязан мой командир.

Валериан насмешливо кивнул в его сторону.

— Твой товарищ думал, что он хитрее Колдуна и болотных демонов. Большое заблуждение!

Мы с Хаконом только и могли, что угрюмо обмениваться взглядами, покуда дикари, по приказу Колдуна, принялись копать яму под его ногами. Колдун оказался очень старым, буквально высохшим, сгорбленным человеком. Его темно-коричневая кожа напоминала пергамент, хотя седые волосы были все еще густыми.

Когда я на западной границе слышал рассказы об этом человеке, в них упоминалось, что он был последним из Древних, которые населяли эти земли задолго до пиктов. И действительно, черты его лица были весьма

необычны: широкий и плоский нос, сильно скошенный лоб, глубоко спрятанные под надбровными дугами маленькие глазки. Как и все пикты, Колдун был в одной набедренной повязке, однако вместо обычной раскраски его грудь украшал затейливый узор из шрамов. Он что-то прокаркал, и меня, поспешно подняв с земли, поставили на ноги. После этого Колдун, приблизившись, стал внимательно рассматривать меня, сверля своими черными острыми глазами. Наконец он отвернулся и отдал несколько новых приказаний.

Пикты бросились копать еще одну яму, в которую вставили ствол дерева и тщательно утрамбовывали землю вокруг него. Теперь на площади стояли два столба — к одному был привязан Хакон, а к другому потащили меня. Дикари перерезали мои путы, сорвали всю одежду и начали привязывать к столбу длинными кожаными ремнями.

Я не мог особенно сопротивляться, так как меня держало несколько человек, но попытаться как можно сильнее напрячь мышцы — когда я их расслаблю, это поможет освободиться. Мысли о побеге не оставляли меня даже в этом отчаянном положении.

Колдун вел неторопливую беседу с Валерианом и вождями. Внезапно один из них, предводитель племени Черепах, со злобной ухмылкой направился в мою сторону. Он выхватил из-за пояса боевой топор и, почти не прицеливаясь, метнул в мою сторону. Я приготовился свести последние счеты с жизнью, но топор, перевернувшись в воздухе несколько раз, вонзился глубоко в дерево над моей головой, а его рукоятка ударила меня в лоб. Раздались торжествующие вопли — видимо, собравшихся обрадовало то, что я вздрогнул. С этого обычно и начиналось — пикты стреляли в жертву из луков, в нее метали топоры и ножи и получали тем большее удовольствие, чем больше страха она выражает. Я знал об этом, и старался оставаться невозмутимым.

Внезапно среди дикарей разразилась бурная ссора. Даже при моем слабом знании пиктского наречия мне удалось понять, что одни кричат «сейчас», другие — «потом». Впрочем, этот спор не мешал одному из воинов старательно строгать небольшой кусочек дерева, явно предназначенный для того, чтобы воткнуть в мое тело и поджечь. Когда выяснилось, что Колдун хочет «потом», крики прекратились. Я воспользовался тем, что пикты не заткнули мне рот, и тихо спросил Хакона:

— О чём они спорят? Когда начинать пытки?

— Да, — подтвердил мой товарищ по несчастью. — Главный из Черепах и те, кто с ним, желают немедленно поупражняться в меткости, а

остальные предпочитают отметить этим поражение Шохиры. Колдун же утверждает, что мы принадлежим ему, и только он может решить, когда остальные смогут начать наслаждаться нашими муками.

Я с содроганием вспомнил о ритуале Превращения Змеи и подумал, что бывают вещи и пострашнее пыток...

Болотный колдун отоспал воинов обратно в лагерь и удалился в свою хижину. За ним разошлись вожди; ушли и Валериан с Кварадой. Рядом с нами остались только два дикаря.

— Сейчас они отдохнут, а потом отправятся в набег на Шохиру, — объяснил Хакон. — Это будет после полудня, им как раз хватит времени, чтобы оказаться под стенами перед самым наступлением темноты.

— Понятно, почему они боятся идти днем, — сказал я. — Никому не хочется получить в брюхо стрелу из баллисты.

— Я понял еще кое-что, — продолжал мой товарищ. — Колдун обещал дать им какое-то особенное оружие. Нечто магическое, я думаю.

Он повернулся к стражам и крикнул по-аквилонски:

— Эй! А почему бы вам не поделиться с нами тем пивом, которое только что хлебами ваши вожди?

Оба охранника, непонимающие взглянув друг на друга снова отвернулись.

Хакон повторил эту же фразу на пиктском языке. Реакция дикарей последовала немедленно: один из них что-то гневно рявкнул, а другой сплюнул в нашу сторону.

Командир удовлетворенно кивнул.

— Теперь хоть ясно, что они понимают только свое карканье. Слушай, тебе еще не пришло в голову, как нам сбежать отсюда?

— Пока нет, но я надеюсь что-нибудь придумать, когда вожди со своими людьми уберутся отсюда. Давай пока помолчим, чтобы не привлекать их внимания.

Так мы стояли под палящим солнцем, уже начавшем склоняться к западу, мучаясь от жажды и укусов насекомых. К нашим полученным во времяочных схваток ранам прибавились многочисленные порезы от кожаных ремней, которые буквально впивались в тело. Хакон сильнее меня страдал от жарких солнечных лучей, так как я от природы обладал более смуглой кожей.

Храп, все это время раздававшийся со стороны хижин, понемногу стих. Послышались хриплые спросонья голоса — стойбище постепенно просыпалось. Наконец, из хижины вышел Колдун. Оглянувшись вокруг и посмотрев на солнце, он дунул в костяной свисток, висевший у него на

груди.

На площади появился лорд Валериан в сопровождении дикарей, большая часть которых сразу же принялась править оружие. Тем временем Колдун вернулся в хижину и вытащил из нее огромный, около двенадцати футов длиной, кожаный мешок, чем-то до отказа набитый и крепко перевязанный. Вряд ли он был тяжелым, судя по тому, что немощный старик нес его без усилий; у меня сложилось впечатление, что мешок был просто хорошенько надут. По приказу Колдуна пикты привязали этот мешок к раздвоенному шесту и, наконец, тронулись в путь.

Судя по выражениям лиц и гневному ворчанию наших стражей, они были страшно недовольны тем, что оставлены охранять нас и лишены возможности участвовать в набеге.

Колдун смотрел вслед удалявшемуся отряду до тех пор, пока тот не скрылся в лесу. Затем он поочередно проверил крепость наших пут, при этом внимательно вглядываясь в лица. Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы выдержать его пронизывающий взгляд. После этого старик отошел в сторону, уселся, скрестив ноги, и принял за свое варварское гадание, подбрасывая кости и наблюдая, в каком сочетании они упадут на землю. Первоначальный результат явно не удовлетворил его, и, повторив попытку, Колдун дребезжащим старческим голосом затянул какую-то песню на незнакомом мне языке.

Охранники, не сомневающиеся в крепости наших пут, похоже, потеряли всякий интерес к выполнению своих обязанностей. Один вообще отошел в сторону, опустился в траву и задремал, прислонившись к стене хижины, другой же начал упражняться с оружием, демонстрируя все известные ему приемы боевого искусства. Внезапно он остановился и, разбудив напарника, показал рукой в сторону Колдуна. Тот сидел неподвижно, буквально окаменев и устремив отсутствующий взгляд в сторону болота. Дики с осторожностью и почтением приблизились к старику и один из них, вероятно, более смелый, заглянув Колдуна в лицо, пощелкал перед ним пальцами. Тот даже не шелохнулся. Создавалось впечатление, что его дух пребывает сейчас где-то очень далеко.

Пикты начали о чем-то переговариваться между собой, поглядывая то на старика, то на нас с Хаконом. Из них слов мне удалось разобрать, что они решили отправиться вдогонку за ушедшем отрядом, пока Колдун, находящийся в трансе, не может их остановить. Один из дикарей, вытащив топор, направился в мою сторону. Его намерения были более чем ясны. Я, напрягая легкие, изо всех сил закричал, пытаясь вывести Колдуна из оцепенения.

Мой вопль остановил пиков. Еще раз посовещавшись и, видимо, решив не искушать судьбу, они покинула остров, прыгая по дороге из камней. После того, как дикари исчезли из вида, Хакон пробормотал:

— Хвала Митре, все-таки две пары глаз долой. Но чем это нам поможет? Я связан так крепко, что мне не понять, где у меня руки, а где — ноги!

— Об этом мне удалось позаботиться, — отозвался я и принялся за дело. Расслабив напряженные мускулы, я почувствовал, что ремни уже не так впиваются в тело. Поочередно приподнимая, насколько это было возможно, и опуская плечи, я попытался освободить кисти рук. Постепенно стягивающие их петли начали соскальзывать, и через некоторое время я освободил правую ладонь. С неимоверным напряжением выворачивая кисть, я принялся просовывать кончики пальцев под петлю на предплечье — и, наконец, мне это удалось.

Колдун все еще был в трансе, а я, обливаясь потом, продолжал трудиться над своими ремнями.

День приближался к закату. После того, как я освободил правое предплечье, петли ослабли настолько, что вытащить левую руку не представляло труда. Остальное было еще легче — ремни, стягивающие грудь, я сдвинул вверх и освободил туловище, а затем и ноги.

Взглянув на Колдуна — тот все еще сидел неподвижно — я попытался тронуться с места. Острая боль пронзила все мускулы — казалось, в них как будто всадили тысячи иголок. На подгибающихся ногах я подошел к своему товарищу.

Пики, безусловно, хорошо постарались, привязывая Хакона к столбу, и высвободить его из пут без ножа было почти безнадежным делом.

— Поищи лучше что-нибудь острое, — посоветовал командир, — а то провозишься до рассвета.

Я не хотел терять времени и пустил в ход зубы. Но так как результат оставлял желать лучшего, пришлось последовать совету и осмотреть хижину. К несчастью, пики, уходя, унесли с собой все оружие, и я нашел только лук необычной формы, висевший на стене в хижине колдуна, забитой кучами различного хлама, копившегося, вероятно, не одно десятилетие. Здесь же был и колчан, заполненный короткими стрелами, годными для охоты на дичь не крупнее дикой утки, но их костяные наконечники не могли послужить для моей цели.

Таким образом, единственным доступным мне оружием был нож, висевший на поясе Колдуна. Я осторожно подкрался к старику, до сих пор находившемуся в прежнем положении, и, схватив его за волосы, изо всех

сил нанес удар в челюсть.

Тело Колдуна отбросило на несколько локтей, и он безвольно растянулся на земле. Казалось, все кончено, но вдруг старик вздрогнул и попытался подняться. Я догадался, что дух, покидавший его тело, вернулся в свою оболочку. Не теряя ни мгновения, я навалился на Колдуна и стиснул пальцы на тощем горле. Но, невероятное дело — он стал сопротивляться с силой, которую было невозможно представить в его немощном теле. Под сухой кожей внезапно напряглись железные мышцы. Старик, несколько раз ударив меня ногами, попытался вцепиться в мои глаза таким быстрым движением, что я едва успел отклониться в сторону. Случайно поймав его взгляд, я вдруг почувствовал, как ослабевает моя воля. Я начал осознавать, что этот старик

— мой повелитель, мой владыка, и если он захочет забрать мою жизнь, я покорно преподнесу ему этот скромный подарок. С чудовищным трудом я прикрыл веки; это помогло мне избавиться от наваждения, позволив не ослабить хватку.

Но дело осложнялось тем, что я не мог отпустить горло старика — произнеси он заклинание, мой дух навсегда покинул бы бренную плоть. И, тем не менее, сопротивление Колдуна ослабевало — хоть он ухитрился вытащить кинжал из висевших на поясе ножен, сил старика хватило лишь на то, чтобы поцарапать мне кожу. Постепенно его движения становились все более беспорядочными и вялыми, но я не отпускал его до тех пор, пока он не перестал подавать последних признаков жизни. Сердце старика остановилось, но я, не желая рисковать, выхватил из его рук кинжал и перерезал горло последнего из Древних.

С трудом поднявшись, я подошел к Хакону и освободил его от пут. Командир, как подкошенный, рухнул на землю и, шипя и кривясь от боли, принялся растирать затекшие члены. Когда он, наконец, обрел способность двигаться, я спросил:

— Хакон, зачем они взяли с собой мешок?

— В этом мешке — болотные демоны, — ответил командир. — Перед штурмом пикты поднимут его над стеной форта и откроют — чудовища не успокоятся, пока не перебьют всех, кто попадется им на пути. Колдун наложил на демонов заклятье — все легенды говорят об этом — и спастись можно, только бросившись на землю. Дики, открывшие мешок, будут лежать до тех пор, пока демоны, завершив свое дело, не канут в ту преисподнюю, откуда явились.

— Тогда нам нудно поторопиться, чтобы остановить их, — сказал я, — но в нашем распоряжении только кинжал и лук — да и то охотничий.

— Это все же лучше, чем ничего, — ответил Хакон. — Он тоже может пригодится, если выпустить стрелу с близкого расстояния. Только действовать придется тебе одному — пикты в свалке выбили мне руку. Так что натянуть лук я теперь не смогу.

Итак, мы вдвоем с Хаконом отправились вслед за войском дикарей, ведомых владетельным Валерианом. Я нес лук Колдуна, Хакон держал здоровую руку на рукояти кинжала, отнятого мной у старика.

Мы предполагали, что пикты могли разместить где-то взбили ручья Тулиана несколько постов, поэтому переходили его с величайшей осторожностью. Затем, скрываясь еще тщательнее, перебрались через Рысью реку. Попавшееся нам на глаза перо из головного убора пикта указывало на то, что дикари проходили по этой дороге, но сейчас их нигде не было видно.

Заметили мы их только после захода солнца, окрасившего в багровый цвет небо на закате. Мы почт уже достигли полей, окружавших Шохир. Пикты, растянувшись широким полукругом, залегли на краю опушки. Среди них были Валериан и его любовница-колдунья. Вожди дикарей сгруппировались вокруг странного мешка, привязанного к шесту.

В Шохире не замечалось ни одного огня — значит, гонец успел предупредить о готовящемся набеге. Крепость Кваниара, в отличие от города, была ярко освещена, и оттуда доносился неясный гул голосов, а также блеяние, мычание и рев согнанных из Шохирь домашних животных. Пикты значительно превосходили числом защитников крепости, но те были готовы дать дикарям достойный отпор. И если бы не эти ужасные твари с болота Призраков...

Наступала ночь; на темно-синем бархате небосвода высыпали многочисленные звезды. Сквозь просветы в листвах папоротника мы увидели узкий серебристый серп луны.

— Они будут ждать, пока окончательно не стемнеет, — еле слышно прошептал Хакон. — Может, нам удастся сейчас подобраться поближе к этому проклятому мешку?

Тут я, наконец, понял отчаянный план своего товарища. Ну что ж, ничего больше нам не оставалось, и, плотно прижимаясь к земле, мы поползли к стоявшему неподалеку огромному старому дубу. Прячась за его мощным стволом, мы с чрезвычайной осторожностью поднялись на ноги — кусты, в которых залегли дикари, теперь были не более чем в двадцати шагах от этого места.

Я наложил стрелу на тетиву. В этот момент послышался размеренный бой пиктского барабана, и сразу же за ним звонкие удары в гонг — в

крепости забили тревогу.

Потом барабанный бой резко сменил темп на быстрое «раз-два, раз-два». Два пикта подошли к шесту и подняли его так, что мешок как бы парил над их головами.

— Пора! — раздался свистящий шепот Хакона.

Я прицелился как можно тщательнее, не забыв вознести молитву Митре — моя задача была явно не из легких. Лук, который я сжимал напряженными руками, не был привычен для меня; узкий серп луны и тусклые звезды давали слишком мало света, к тому же проклятый мешок все время раскачивался на ветру... а я не имел права промахнуться!

Темп барабанного боя еще более ускорился. Послышался свист, звон оружия, приглушенные слова приказов. С ужасающим воинственным воем пикты высыпали из укрытия и бросились к форту.

Я спустил тетиву и тут же понял, что промахнулся. Неужели не успею?! Стремительным движением я натянул лук еще раз. И тут Митра не оставил меня своей милостью — стрела попала в раскаивающуюся на фоне звездного неба цель! Раздался резкий звук, словно лопнула туго натянутая струна.

Два дикаря, которые несли мешок, взглянув верх, в ужасе застыли. Из лопнувшего мешка начало выплывать наружу какое-то клубящееся облако.

— На землю, живо! — скомандовал Хакон и ничком упал, уткнувшись лицом в сырой мох. Не мешкая, я последовал его примеру.

Пронзенный моей стрелой мешок утратил свою округлую форму и мятой тряпкой болтался на шесте. Похожее на густой дым облако, постепенно расширяясь, окутало ряды пиктов. Затем оно стало распадаться на отдельные части — и каждая из них обратилась в ужасное существо. Эти твари были человеческого роста, с хвостом и крыльями, как у птиц, и большой круглой головой, а также длинными руками и ногами с тонкими когтистыми пальцами.

Хотя я как можно плотнее вжимался лицом в землю, чтобы не привлечь внимание демонов, все же мне удалось заметить, что их было никак не менее нескольких сотен. Протяжно завывая и визжал, они носились над воинством пиктов, которые, совершенно обезумев от ужаса, беспорядочно метались по полю, наталкиваясь друг на друга. Как только из мешка появились эти жуткие твари, один из вождей громким криком приказал своим людям лечь на землю, но только несколько дикарей выполнили приказ. Вой пиктов перекрывал даже визг болотных демонов, но все попытки спастись были тщетны; их неотвратимо настигал летающий кошмар. Совсем близко от нас жуткая тварь одним движением

оторвала голову какому-то дикарю, причем его тело с хлещущей из разорванных артерий кровью успело пробежать еще несколько шагов, пока, наконец, не рухнуло, с треском ломая кусты.

Охваченные безумной паникой пикты носились взад и вперед по полю, и везде их настигали когти кошмарных летающих тварей. Буквально через два десятка вздохов все было кончено. Не находя больше жертв, болотные демоны один за другим скрывались в лесу, и скоро вокруг нас не осталось ни одного живого существа.

Внимательно оглядевшись, мы с Хаконом поднялись и пошли по направлению к крепости. Внезапно перед нами с земли, как вспугнутый перепел, вскочил один из уцелевших дикарей — и, вместо того, чтобы с воинственным воплем ринуться на врага, резко развернулся и бросился обратно в лес. Видно, только что произшедшего кровавого побоища оказалось более чем достаточно, чтобы надолго отбить охоту к сражению даже у такого храброго и мужественного воина, каким считал себя каждый пикт.

Подойдя к брошенному шесту с пустым теперь мешком, мы обнаружили около него жалкие останки того, кто был совсем еще недавно могущественным владетелем Валерианом — голову, оторванную левую руку и растерзанное страшными когтями туловище. Мы прихватили с собой голову нобиля как доказательство того, что произошло. Кварады — ни живой, ни мертвой — нигде не было видно, и никто из нас так и не узнал, удалось ли колдуны избежать ужасной участи своих соплеменников.

Из цитадели навстречу нам уже бежали люди, посланные на разведку Дирком, сыном Строма. Услышав наш рассказ, они кинулись обратно, чтобы сообщить командующему хорошие вести. Из-за стен крепости выплеснулась ликующая и вопящая от радости толпа, нас подхватили на руки и внесли под арку ворот.

Что касается меня, то самым приятным было видеть изумление и растерянность Отхо, сына Корма, моего недавнего знакомца. Он приходил в Шохиру, чтобы расквитаться со мной за слова, которые он посчитал оскорблением, и теперь наблюдал за нами с таким глупым выражением лица, что я не мог не расхохотаться. Что ж, вряд ли у него теперь возникнет желание проучить одного из спасителей своего города!

* * *

Я вернулся в Тандар. Скоро мы узнали, что прежний правитель Нумедидес умер, и королем Аквилонии стал Конан. Конан-киммериец!

С этих времен — впервые на человеческой памяти — стычки на границе прекратились. Ведь по обе ее стороны прекрасно знали, что новый король грозен и крут и не потерпит ни малейшего нарушения заключенного договора. Мой Тандар благоденствовал, как и все остальные провинции; всюду строились новые деревни, крепости и города, расцветали ремесла и торговля. Мы добились того, о чем мечтали — долгожданного мира.